

Лариса Ратич

*Антипедагогические
этюды*

Цикл рассказов

Лариса Ратич

Антипедагогические этюды

«Издательские решения»

Ратич Л.

Антипедагогические этюды / Л. Ратич — «Издательские решения»,

Рассказы адресованы широкой читательской аудитории, педагогам и родителям. Автор призывает обратить внимание на процессы воспитания, их влияние на судьбы и личности. На процессы, участниками которых, по сути, являемся мы все.

Содержание

Часть первая	6
Предисловие	6
Наказание	7
Если бы вы знали, Валентина Михайловна...	9
«Того-этого»	13
Пятый пункт	17
«Правая рука» классного руководителя	21
Сильная личность	24
Чёрный снег	26
Из жизни проезжающих	28
Первое место	30
Часть вторая	32
Необратимые процессы	32
Собачий синдром	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Антипедагогические этюды
Цикл рассказов
Лариса Ратич

© Лариса Ратич, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Предисловие

Уважаемые педагоги, то есть ВСЕ, кто читает эти строки: воспитываем мы, воспитывают нас, в зависимости от возраста и обстоятельств, и этот процесс непрерывен, как сама жизнь.

Много лет работая в школе, я убедилась: труд учителя – воистину героический, подвижнический. А родительская любовь – самая высокая, истинная, непреходящая. И всё это наваливается на нас (или мы наваливаем на кого-то...).

Низко кланяясь и педагогам, и родителям, я, однако, призываю всех не забывать о том, что всегда полезно бывает взглянуть на себя в зеркало. Ибо, не видя сажи на лице, как её отмоешь?

Тем более, что среди этих историй нет ни одной выдуманной...

Наказание

Тамила Терентьевна всегда была толковая женщина и педагог хороший. Даже сама заведующая, довольно скупая на похвалу, частенько любила повторять:

– Тамила – это то, что надо. Наша! Посмотрите, какая у неё дисциплина!

Да, дисциплина в средней группе детсада «Огонёк», где работала Тамила Терентьевна, была, что называется, «железной». Воспитательница в душе считала самым лучшим военную постановку дела, – тут она равнялась на мужа. Он-то знал настоящую цену порядку, его многолетняя служба – яркий тому пример («Массу надо чётко организовать!»).

А эта детская масса, между прочим, не такая уж и подвижная, как принято считать. Главное что? Строгий голос, чёткие команды: кто, куда, когда, зачем. Чуть что – наказание. Опять же чёткое: кому, сколько. Но бить не надо. Во-первых, опасно. Во-вторых, лишнее. При хорошем-то голосе. И никаких улыбочек, «сюсю-рассюсю».

Зато и все первые места – в средней группе. Даже «старшие» – на конкурсе строя и песни в подмётки не годятся, срамота одна с их Евдокией Петровной. Как насадка над ними: Петенька, Леночка, Сашенька, ко-ко-ко, ко-ко-ко! А спать уложить – полчаса потратит!

Брала бы с Тамилы пример:

– К кроватям подойти! Тапки снять! На счёт до трёх – под одеяло. Считаю до десяти – закрыли глаза, глубоко дышим, спим!

И всё! Пару раз выволокла нарушителей за ухо из постельки, да босиком в туалете поставила на десять минут, больше и не надо. Лучше снотворного.

А позавчера в группу поступила новенькая. Тамила сразу её невзлюбила, как чуяла. Домашняя такая, холёная, распушенная. Хотя делает вид, что ласковая. Хитрая! Но ничего, посмотрим, кто хитрее. Много спрашивает, а воли такой требует – голова треснет у любого.

...Сели дети рисовать – все, как один, как сказано, так и рисуют. Показала Тамила, как надо (а она умеет, Тамила-то!) – все так и срисовывают. А эта Эллочка (дали же имечко!) норовит не так, как люди. С вывертом дрянь малая, наплачутся ещё с ней.

– Тамила Терентьевна, а я хочу больше листочков нарисовать. Как у вас – некрасиво, дерево совсем голое!

Тамила чуть не сорвалась. Голое! Это ж надо! Тоже мне, Пикассо в зародыше! Но – сдержалась. Крик – это не наш метод. Настоящему педагогу не к лицу. Мысленно похвалила себя: есть выдержка! А голосом – только подытожила:

– Петренко, рисуй, как положено. Накажу.

Девочка справа, Ира Крутикова, быстро толкнула новенькую в бок и, расширив глазёнки, покачала головой. Лучше послушаться, да. «Наказание» – это серьёзно.

Но Эллочка не унималась:

– А мама говорит, что всегда надо ФАН-ТА-ЗИ-РО-ВАТЬ!

Ах, мама, значит, говорит. Это та белобрысая, которая вчера чирикала: «Тамила Терентьевна, очень вас прошу, Эллочка недавно болела, проследите, пожалуйста, чтоб её нигде не продуло!» И это летом! А что зимой скажет?! Наглая, зла не хватает. Ничего, сдержанность – это Тамилин «конёк».

– Элла, рисуй как все. Больше повторять не буду.

Ну вот, замолкла, рисует. Не глупая, как оказалось. Ещё пару раз так сделать – будет шёлк в тон всей группе.

Спустя двадцать минут Тамила начала собирать работы. Взяв в руки Эллочкин листочек, она почувствовала, что закипает:

– Эт-т-то что за номера, дорогая моя?! Ты глухая или тупая?!

Эллочка дебилно заулыбалась:

– Так ведь посмотрите, Тамил Терентьевна, дерево кучерявое получилось. Как моя мама! А не голое, как ваше!

Так... Всему есть предел. Только спокойно. Надо просто наказать. Предупреждала же.

– Ну что ж, сама виновата, Петренко. Зато ты запомнишь хорошо, что такое дисциплина. – Тамил чеканила «доходчивые» фразы, гордясь собой. – Голое дерево? Ну что ж, значит ты... – Тамилу осенило. – Значит, ты сейчас постоишь перед всеми пять минут голая.

...Такой тишины в группе никогда не было. Эллочка раскрыла ротик и уставилась на воспитательницу. Тамил рывком подняла ребёнка со стульчика и, внезапно наклонившись, ловким движением спустила на девочке трусики. Дети ахнули, кто-то завсхлипывал. Тамил резко повернулась:

– Кто там сопли выпустил?! Фролов? Марш ко мне!

Мальчик с глазами, полными ужаса, шагнул к Тамиле как кролик к удаву.

– Становись рядом! – и тем же движением оголила ребёнка.

Так! Тишина. Теперь – на часы. Пять минут надо. Но они не успели пройти, как вдруг закричала и заплакала Катя, за ней – Света, Коля, Игорь... Дети истерически рыдали, закрыв лица ручонками. А Эллочка с Ваней так и застыли, как будто окаменели от горя.

Тут Тамил всё-таки вышла из себя. Живой ведь человек! Довели, щенки!!!

– Да я вас всех сейчас, всех!! Снимайте трусы! Ну?!!

И вдруг неожиданно самый тихий мальчик Саша Долгов кинулся на неё с кулачками:

– Дура! Дура!! Дура!!! Дура!!!!

Он упал и зашёлся в истерике, колотясь головой об пол, корчась и давясь слезами. Тамил по-настоящему испугалась. Разве ж она думала, что в группе есть припадочные?!

Рванулась к двери: «Ирина Сергеевна! Медсестру, срочно!!!»

В общем, обошлось. Но только – нет справедливости на свете! – белобрысая мамаша подбила троих родителей, они пожаловались кому-то, и Тамилу Терентьевну быстро «сняли».

«Да, разбрасываться такими кадрами – никогда в стране порядка не будет!» – всем теперь рассказывает Тамил с горечью.

Если бы вы знали, Валентина Михайловна...

– Что, Петрова, опять?! – голос «трудовички» (она же – учительница черчения) вибрировал от возмущения. – И что ты за девочка?! Ведь я предупреждала, что буду ставить годовые! Девочки, было?!

– Да, да! – согласно закивали семиклассницы.

– Ну вот! Как говорится, теперь не обижайся. «Два» я тебе с бо-о-ольшим удовольствием закатила бы, но... Себе дороже. «Тройка» тебе, Петрова, и то скажи «спасибо». Слов нет!

Петрова сидела, опустив голову. Сейчас ведь точно «тройк» поставит. Да она права, Валентина Михайловна, права. Она такая добрая, красивая... И так целый год терпела, это точно. Вздохнёт только: «Ну что, Петрова Лиля, опять ничего не сделала? Ничего не принесла? Ладно, в последний раз. Но что бы точно в последний, слышишь?»

Вот и доигралась Лиля до последнего...

Уроки домоводства она ненавидела до истерики. Нет, Валентина Михайловна ни при чём. Она такая, такая! И вяжет, и шьёт, и вышивает! И всё, что на ней – своими руками, такое всё, такое! Вот бы и себе так!.. На первом уроке домоводства Валентина Михайловна сказала: «Девочки, мы с вами будем встречаться один раз в две недели, мне удалось добиться такого графика. Всё-таки «сдвоенные» уроки – польза большая, можно многое успеть. А я вас научу всему-всему! Вот увидите! К концу года сошьём вам по платью! Согласны?»

– Ура! Согласны!

– А мы будем вышивать?

– А вязать?

– Спицами или крючком?

– Валентина Михайловна, а я умею крестиком!

– Успокойтесь, девчата! Будете у меня на все руки! – засмеялась Валентина Михайловна.

Лиля, прибежав домой, радостно, взхлёб, рассказывала родителям:

– И «крючком» сказала, и спицами, и платье сошьём!

Мама улыбалась: «Ой, да пусть! Хорошо!»

... Через две недели, после очередного урока, Лиля попросила:

– Мам, Валентина Михайловна сказала купить спицы и нитки, «ирис» называются.

– Что? – встрепенулся отец. – Какой ирис? Возьми вон в шкатулке кусочки, и хватит.

И спицы от бабушки остались.

Лиля полезла в ящик с нитками-иголками, и в уголке нашла несколько крошечных цветных катышков-остатков и три ржавые тонкие спицы.

– Папа, здесь не то, понимаешь? Надо купить ирис и...

– И на голову мне ещё сядь, а я покатаю, – саркастически отметил отец.

– Но ведь, папа!..

– Всё. Спиц даже не две, а три. А надо две. Не делай из меня дурака. И ниток хватит.

На такие забавы – вполне.

Тон отца был тот самый, который Лиля про себя называла «газированной». Вроде не кричит, а от его слов в носу начинало щипать.

... На урок труда и она пришла без спиц и без ниток, и с завистью рассматривала яркие цветные клубочки у одноклассниц. А у Аллы Смирновой – даже несколько... Валентина Михайловна показала, как набирать петли, и девочки, пыхтя, принялись «строить» свои первые кривые рядочки. И Лиля научилась (на Аллочкиных нитках, а спицы ей Валентина Михайловна свои дала). Да так ловко получалось, хотелось делать и делать!

– О, молодчина! Да ты способная. Только спицы больше не забывай. Ладно? Девочки, дома связать кусочек 10 см на 30 петель лицевыми петлями!

Когда пришёл следующий урок, Лиля опять явилась безо всего. Валентина Михайловна огорчилась: «Ну как это „дома забыла“? Ведь у тебя хорошо получалось! Ладно, „четыре“ поставлю, но принесёшь и покажешь!»

А в следующий раз она уже сердито развела руками: «Удивительно!» И поставила «двойку».

Отец, увидев оценку, взвизгнул:

– Это ещё что?!

– Это, папа, за поведение, не сердись! Все девочки шумели, и Валентина Михайловна каждой поставила!

– Вот что, если ещё раз такое повторится, я ей выскажу! Тоже мне педагог. Как таких на работу принимают?! Кто же за поведение всем ставит?!

Он долго возмущался, но Лиля уверяла так покорно и раскаянно, что больше ничего подобного не повторится, что он успокоился.

...Валентина Михайловна уже привыкла, что Петрова – странная. В классе всё схватывает, но ничего никогда сама не приносит. И если добрая Смирнова не поделится – так и просидит весь урок.

«Лиля, объясни ты мне!..» – Валентина Михайловна устала от этих просьб. И она махнула рукой, ставя Петровой «два» – «три». И вот – последняя четверть.

– Девочки, теперь мы будем видеться каждую неделю, и тоже – два урока подряд. Ну что, ура? – ликовала Валентина Михайловна.

– Ура, ура! – смеялись ученицы.

– Ура! – подсакивала со слезами на глазах Петрова (теперь раз в неделю слушать «Лиля, объясни ты мне!..», ужас).

– Девочки, скажите родителям, пусть купят ситец, метра полтора. Он очень дешёвый, и вам пойдёт – ведь вы такие юные! Дорогую материю не надо, слышите? Ну а если кому не жалко, то скажите, чтоб мама не боялась: я сама, лично с каждой из вас, кроить буду. Ещё ни разу не было, чтоб я девочке ткань дала испортить.

Дома Лиля долго думала, как сказать об этом папе (маме – бесполезно, она на мужа надыхаться не может. Ей главное, чтобы он не сердился. Только это. Да. Его надо просить). После ужина она робко начала:

– Пап, ты знаешь, в школе... В общем, так здорово, мы платья будем шить на себя. И не испортим, и всего кусок ситца, и Валентина Михайловна сама покроит...

– Что?! – шея отца стала коричневой, голос перетёк в «газировку». – Я таки пойду, поставлю на место эту дуру! На кукол шейте, ясно?! Ну что за идиоты в школах работают? Завтра же пойду!

– Нет, папа, не надо! Она говорит, что если нет большого куса, можно и на куклу...

– Ну, слава богу, а то я уже думал, что идиотка полная ваша Валентина Михайловна. Возьми в ящике, там обрезков полно. Бери, дочка, шей!

Лиля покопалась в тряпках: может, попадётся что-то большое? Нету...

И снова Валентина всплескивала руками...

Наступил конец четверти. Сегодня девочки заканчивают платья. Только подрубить кое-кому осталось.

– Петрова, тебе самой-то не противно? Я, честное слово, на твоём месте от одной зависти всё бы сделала. Ну посмотри, какие все молодцы!

– Я...я, Валентина Михайловна... Мама только вчера ситец купила... Она не могла раньше... я, я... – девочка расплакалась.

– Ты что, Лиличка?.. – изумилась Валентина Михайловна («Чёрт его знает, может у них денег совсем нет? Ведь не первый раз?.. И чего, чего я к ней пристала?..») – Может, сходи сейчас принеси? Я покрою с тобой, а потом вместе прострочим, а?

– Нет, Валентина Михайловна, у меня ключа нет...

– Ну, завтра давай, останешься после уроков. Я помогу. Хорошо?..

В учительской Валентина поделилась с «литераторшей» Светланой Александровной.

– Петрова? – удивилась та. – Ну, во-первых, она почти отличница, у меня – так точно первая, стихи даже пишет, и неплохие для её возраста. Да и семья у них интеллигентная, по журналу посмотри..

– Так, может, временные какие трудности с деньгами? Не могу я понять её, хоть убей! И чувствую: что-то не так, а понять не могу, что?

– Да ничего. Наверное, всё просто. Вечно мы из мухи слона делаем. Не любит, видно, рукоделия, и всё. Я и сама не люблю, ты знаешь. Терпения нет! Тебе завидую, а сама не могу. Да и не хочу, – заулыбалась Светлана. – Так что спи спокойно.

...Завтра утром надо принести в школу ситец. Где, где, где его взять?! Как завтра смотреть в эти добрые красивые глаза?! Если бы вы знали, Валентина Михайловна!.. Папа перед Новым годом запретил маме шить для Лили карнавальный костюм. «Будет простой школьницей. Костюм ученицы, поняла, дочка? Маме некогда». А Лиля уже была «простой школьницей», каждый год с четвёртого класса. Нет, он не жадный! Просто не любит, когда что-то «неумно делается». Новогодний костюм – это неумно. Куда потом его девать? Чтоб валялся? И Лиля плакала, а мать, взмахивая руками, частила:

– Неблагодарная! Ну ты скажи, ну ты скажи! Чего тебе не хватает, а? Кто, например, лучше нас питается, а? Назови, назови!

Никто не питается лучше. Лиля в зеркало смотреться не любит: мощные «холодцовые» ляжки, обвислые щёки на огромном лице. Волосы только хороши: пышные русые кудри, густороскошные по всей длине. Но распускать их нельзя даже на праздник, только – с бантиками. А то, папа говорит, «сразу волчьи думки в голову ползут. И так издали за бабу принять можно».

По той же причине (это чтоб «волчьи думки...») он не разрешил покупать для неё новые кроссовки. Лиля носила крепкие кеды младшей маминой сестры, модные ещё в 50-х годах, чем вызывала ухмылки всего класса и давала повод к веселью учительнице физкультуры, стройной красавице Наталье Павловне. Просто удовольствие ей доставляла: «О, наш окорок снова в своих белых тапочках!»

Папа, наказав за что-то, не пустил её на кросс, когда бегали всем классом, защищая честь школы, и теперь Наталья Павловна частенько ещё и прибавляла к «белым тапкам»:

– Петрова, ну как здоровье папеньки?

И любимая учительница математики не знала, конечно, что папа, просматривая тетради Лили, обязательно говорил: «Что же сегодня эта дура вам объясняла? Ненавижу жидов-математиков!»

Лиля никогда не звала родителей на собрания, смертельно боясь папиных реплик. А мама изумлялась: что, в этой школе до родителей и дела никому нет? Но в школу сама не шла: Петрова училась прилично. А «двойки» по домоводству – так на это есть второй дневник, шпионы отдыхают. Научилась хорошо прятать после того, как папа, обшаривая, как всегда, все закоулки портфеля, нашёл записку: «Я тебя люблю». Нет, это не ей. Это она писала Серёжке. Но не отдала, так, для себя нацарапала. Теперь чуть что: ах, у нас любовь! Хи-хи. Да и к порядку папа всё ж таки приучил: если обнаружит, что до 18.00 портфель ещё не собран, заставит на другой день все учебники в школу нести, по всем предметам... Тяжело-о-о! Говорит, пусть привыкает к жизни, как она есть. Пригодится. И мама согласна, тоже теперь Лилю «к жизни» готовит. Например, велела купить колбасы 755 граммов, и только так. Это чтобы Лиля училась «ставить хамлюг-продавцов на место». А то, понимаешь, взяли моду: кинут кусок на весы, и тут же: «А ничего, если на 30 граммов больше? Возьмёте, чтоб не резать? Заплатите?» Нет, не заплатим. И не в деньгах дело, нет. Так-то!

Бессонно мелькнула ночь, наступило «завтра». И ситец с потолка не упал. Нету. В коридоре Валентина Михайловна попалась навстречу: «Ну что, порядок? Знаешь, я всё-таки „четыре“ тебе поставила, взяла грех на душу. У тебя, оказывается, „троек“ нет? Ну, ничего, давай ситец, посмотрим, сколько там?»

Лиля стояла, опустив руки, разглядывала пол.

– Петрова?! Опять?! Так, иди, куда хочешь, видеть тебя не могу!!!

Полный стан Валентины Михайловны удалялся, покачиваясь в такт её решительным шагам. Она уходила, полная отвращения к этой рыхлой лживой девчонке, и мысленно клялась:

– Ну, я ей покажу в восьмом классе! Жалко, домоводства уже не будет. Но ничего, зато попадётся мне на черчении!!!

Однако показывать ей ничего не пришлось. По черчению у Петровой получались сплошные «пятёрки». Этот предмет отец уважал и не считал блажью ни бумагу, ни дефицитные карандаши «Конструктор», ни даже домашний кульман...

«Мероприятие» затянулось до самого звонка, а многие ещё не высказались и с готовностью тянули руки. Ванька стоял красный-красный, с набрякшими глазами и руками по швам. В конце он должен был попросить у нас прощения.

Следующим уроком по расписанию был урок пения. И как только прозвенел звонок, Григорий Иванович появился на пороге класса. Но тут же понял, что он не вовремя.

– Ой, Елизавета Максимовна, а я, того-этого, думал, что сейчас мой урок...

– Да, да, проходите, Григорий Иванович, мы заканчиваем. Вы позволите только пять минут?

– Пожалуйста, того-этого, я пока тут свои вещички устрою, – Григорий Иванович поставил на стол аккордеон, аккуратно примостил тетрадь и принялся расчерчивать доску под нотный стан. Обычно эту процедуру выполняли мы, борясь между собой за это интереснейшее право: надо было натянуть вдоль доски суровую нитку, двое держали, а третий натирал верёвочку мелом, потом резко «отбивал» о доску, и на ней оставалась ровненькая тоненькая линия. Быстро и очень красиво!

Но на этот раз Григорий Иванович принялся чертить от руки, не считая возможным мешать учительнице заканчивать своё дело.

– Дети! Мы, к сожалению, не успели выслушать всех, поэтому дадим заключительное слово старосте Алексею Крутикову и послушаем, наконец, самого Григоряна, что же он понял, и сможем ли мы подать ему руку. Лёша, пожалуйста.

Речь Лёшки превзошла все наши ожидания. Он ёмко и образно назвал проступок Вани «предательством родителей, учителей и друзей», сказал, что лично он потерял к Григоряну всякое уважение раз и навсегда, и в конце «подвёл черту»:

– И вообще, ребята, я думаю, что вы со мной согласитесь: так поступали с советскими людьми только фашисты! Ты, Ванька, настоящий фашист!

Вот это да! Мы даже захлопали!

Елизавета Максимовна скупно улыбнулась: «Что ж, сильно сказано. Послушаем, что ответит. Ну, Григорян?»

Ванька сдавленным голосом заученно отбубнил полное раскаяние, мольбу о прощении и просьбу учиться с нами рядом и дальше.

– Неплохо, Григорян, – учительница осталась довольна. – А вот насчёт прощения – мы подумаем до завтра и скажем тебе на первом уроке. Всё, ребята, мероприятие закончено. Григорий Иванович, извините ещё раз.

Елизавета Максимовна вышла, и только тут мы заметили, что Григорий Иванович сидит за столом, как-то неестественно пригнувшись и прикрыв глаза ладонью. Наконец он встрепенулся, поднял совсем больной какой-то взгляд и тихо сказал:

– Вы, ребятки, того-этого... Знаете, мне сейчас страшно с вами.

В классе от неожиданности установилась такая тишина, что жужжание мухи из известной поговорки было бы, наверное, сейчас похоже на рёв бомбардировщика.

– Да, того-этого... Очень страшно!..

– Почему, Григорий Иванович?! – первым пришёл в себя староста класса.

– Что ж вы с Ваней-то так? Ведь он парень неплохой. Ну, бывает с каждым. У вас разве всё без сучка-задоринки, а, ребятки? Мы ж все, того-этого, не святые. А что ты тут, Лёша, про фашистов сказал, так не дай тебе Бог, мальчик мой, – голос учителя вырос и окреп, – не дай тебе Бог, дорогой, и детям твоим, и, того-этого, внукам-правнукам узнать, что такое фашизм. Слышишь?! А Ваньку-то, что ж, простить его надо, ребята. Ему и так уже не сладко, получил, небось, своё, а? Он и сам не рад, точно! Ну, вспомните, вы, когда чего натворите, рады ли? Небось, думаете, как это меня угораздило, и сразу, того-этого, хотите, чтоб вас простили и поняли, так ли, нет?..

Мы молчали. Это был Урок. Пожалуй, самый сильный в нашей жизни.

– Ну, что молчите, губошлёпы вы мои глупые? Эх вы, судьи сопливые. Сказали б лучше: брось, Ванька, друг, того-этого, печалиться, да на будущее, смотри, дурачок, думай, что делаешь. Если вы простите – и вас простят. Поняли, хлопчики?..

Все облегчённо задвигались, зашумели, заулыбались. Весело глянул на товарищей «преступник» Ванька.

– Ну, вот и ладненько, того-этого. Петь давайте. Ну, «виновник торжества», сегодня ты будешь запевалой, выходи на класс!

И полилась песня, освобождённо и радостно, как будто увязали мы все в трясине, ртом воздух хватали, и вдруг нас спасли, отмыли, переделали в сухое...

На переменке Григорий Иванович в учительской решительно подошёл к коллеге (она же выполняла функции старшего завуча):

– Елизавета Максимовна, вы, конечно, того-этого, извините, я ведь без образования, педагог, можно сказать, никакой, но вот нехорошо как-то это всё. Детей ведь легко обозлить, а они ведь потом взрослыми станут...

Учительница удивлённо задрала густые мужские брови:

– Я, дорогой Григорий Иванович, всю жизнь в школе проработала. Имею только поощрения и благодарности. И, кстати, действительно, – высшее педагогическое (она сделала ударение) образование. И, смею вас уверить, отлично обойдусь без ваших непрофессиональных советов.

– Ну да, того-этого... – лицо учителя задёргалось. Он нервно переждал и решительно добавил:

– И всё-таки, скажу вам прямо, хоть вы и завуч, после такого я бы, будь моя воля, вас к детям и на пушечный выстрел не подпустил бы, да.

– Меня?! – превращаясь в «светофор», взвилась учительница. – Да это вас, извините за откровенность, если на то пошло, на десять выстрелов подпускать нельзя! «Того-этого!» – передразнила она. – От одного вашего дёрганья с ума сойти можно! Держим тут вас из жалости, между прочим! Ах, фронтовик, фронтовик!!! Да настоящие фронтовики – или калеки, или в могилах. А у вас только контузия, а туда же! Разобраться ещё надо, чем вы во время войны занимались. Может, пели по штабам, а?

Григорий Иванович согнул плечи, как от удара:

– Ну что ж, того-этого, уважаемая, вы уж простите, что я живой, и что с руками, с ногами. В могиле, оно, конечно, того-этого, почётней, да. Ну уж так сошлось... Нелепо для вас...

Он, накренившись как-то вбок, медленно вышел из учительской. Все загудели. С одной стороны, мужик он хороший, дети его любят, а с другой – с завучем спорить кому захочется?..

... Через неделю наш школьный хор торжественно отправлялся на смотр художественной самодеятельности. Мы были отменно подготовлены нашим Григорием Ивановичем и вернулись с полной победой: первым местом и почётной грамотой. Однако спустя несколько дней на педсовете Елизавета Максимовна решительно объявила:

– Администрация школы выражает благодарность учителю музыки и пения Островскому Григорию Ивановичу, но, однако (поймите нас правильно!), мы решили, Григорий Иванович, больше на смотры вас не посылать. А хоровой кружок будет вести молодой специалист, который с завтрашнего дня приступает к работе. Вам, Григорий Иванович, мы оставляем только «часы». Мы, конечно, все вас уважаем, но, извините, жизнь есть жизнь. Нам позвонили из... ну, вы понимаете, начальство, одним словом. И они правы! Что это за рожи, спрашивают, корчит ваш музыкант?! Ему большие люди грамоту вручают, а у него лицо, как у клоуна, дёргается. Так что, Григорий Иванович, для вас школа – школой, мы уже привыкли, а на люди, извините, незачем.

– Да я ничего, того-этого, мне и самому... – растерянно и огорчённо развёл он руками...

А на другой день Григорий Иванович не вышел на работу: он умер от инфаркта.

...Спасибо Вам, дорогой Учитель с нелепым прозвищем, за то, что Вы были в нашей жизни. Низкий Вам поклон и вечная память.

Пятый пункт

«Кодекс чести молодого педагога» – так называлось то, что Леночка (а с этого дня – Елена Васильевна) должна была торжественно прочесть со сцены. Это был её первый день работы в школе. Профком, устроивший после уроков праздник для учителей, опять же, по традиции, с шутками и напутствиями, принимал в педагогическую семью нескольких молодых коллег, в том числе и учителя биологии Костенко Елену Васильевну.

Праздник получился очень душевный, почти домашний, и Леночка радовалась, что ей удалось попасть именно сюда, где каждый, чувствовалось, неравнодушен к другому. Вечером, в общезитии, она ещё раз внимательно перечитала «Кодекс» и отметила, что он написан очень даже толково и с выдумкой. Особенно понравился пятый пункт: «Педагог! Не будь равнодушен! Лекарство от равнодушия – добро, которое должно быть с кулаками.»

Ишь, как закручено! Но – очень даже имеет смысл. Леночка и сама об этом много думала, готовясь стать учителем. В пединститут она попала, можно сказать, случайно: пошла с подружкой поступать «за компанию». И надо же, подружка, которая бредила педагогикой, провалилась, а Леночка прошла.

Училась она легко, с удовольствием, и постепенно привыкла к мысли о школе, более того, обнаружила, что дорогу выбрала правильно. Ну и хорошо, работу надо любить.

На классное руководство получила Елена Васильевна пятый класс. Тоже неплохо, решила. Они только с начальной школы, совсем ручные, привыкли к одному учителю, и Леночка будет для них центральной фигурой, «мамой».

Так дети её и прозвали: «Мама Лена». Леночка даже в письме домой похвасталась, вот, мол, как! Других дети зовут «Физичка», «Химичка», «Русачка»... А она – «Мама»! Значит, внимательная, любящая, справедливая, – гордо думала Леночка. Работалось ей хорошо.

Только в первый месяц уж очень надоела мама Саша Крамаренко, новенького. Ну каждый день она – в школе! Мальчик неплохо учится, послушный, а его мама уже всех учителей замучила: каждому рассказывает, что в той школе он был всегда круглым отличником. Леночке носит то конфеты, то яблоки. Наказание какое-то! И не объяснишь ей, где там!

Перед Днём учителя Крамаренко свои визиты ещё участила: бегала в класс, собирала деньги учительнице на подарок. Елена Васильевна догадывалась об этом, и было как-то стыдно и тяжело на душе. А что поделаешь? – Традиция. Но помог случай.

Накануне Дня учителя всем выдали премию, каждому – по заслугам. Леночке – пока небольшую, но она и этому была рада: неожиданные деньги, считай, подарок. Правда, очень мелкими купюрами, почти все по рублю, самые крупные – «пятёрки». Да какая разница? Плюс те, что с собой, – и есть «на сапоги»!

Получив в перерыве деньги, Леночка со звонком направилась в свой класс. И вот, подходя к двери кабинета, она ясно услышала знакомый резкий голос Крамаренко. Леночка приостановилась у двери и вслушалась. Мамаша отчитывала кого-то из детей: «Одна ты только осталась! Все уже сдали! Ты же твердишь „завтра, завтра“! Что же мне теперь, свои за тебя положить?!»

Воцарилась небольшая пауза, очевидно, прозвучал ответ, но очень невнятно. Леночка ничего не разобрала. Зато ясно услышала «партию» Крамаренко:

– Да, да, конечно! Жди у моря погоды! Знаю я вашу семейку, и мамашу твою, пьянь-распьянь! Она даст, как же!!!

Леночка рывком открыла дверь и решительно вошла в класс:

– Что здесь происходит, Вера Ивановна?

– Ой, Елена Васильевна! – Крамаренко, как обычно, резиново растянула змеистые губы в улыбке от уха до уха, – это вас не касается, родненькая! Не берите в голову.

(Так. Не касается? Кстати и повод хороший. Учитель я или нет? Плюс пятый пункт...)

– Вот что, Вера Ивановна. Давайте расставим все точки над «і». Раз и навсегда. Никаких подарков я не приму, ясно? Тем более таким путём... Вы ставите меня не просто в неловкое положение: если я приму ваше подношение – меня не будут уважать дети. Да и я сама себя – тоже.

(Молодец, Ленка, молодец. Теперь точку поставь. Жирную!)

– Дети, по сколько вы собирали? – она мягко, но решительно обратилась к классу.

Все растерянно молчали. Надо им объяснить.

– Ребята, мне стыдно за эти деньги. Простите меня, но если вы не скажете, я сегодня же уйду с работы. Так по сколько?

Ирочка Лебедева тихо сказала: «По три рубля...»

(И – последнее. Сделай, Лена.)

– Оксана, это тебя Вера Ивановна ругала? Ты не сдала?

– Я...

– Правильно сделала. Благодарю тебя. Берите с неё пример, ребята. Она первая поняла, что этими деньгами унижит меня. А теперь...

Ох, как удачно, что премия – мелкими купюрами!

– Теперь возьмите, дети, свои деньги назад, и никогда больше не делайте этого, слышите?

Леночка, мысленно любуясь собой, пошла по рядам, раздавая деньги. Мама Крамаренко туго смотрела, что называется, открыв рот. Леночка закончила, вернулась к учительскому столу, величаво кивнула родительнице:

– Извините, Вера Ивановна, у нас урок. Вы свободны!

(Ай, молодец!)

Дети смотрели на неё во все глаза. Урок прошёл на одном дыхании! Да, редкий выпал денёк. Она не удержалась, поделилась с подружкой, молодой математичкой Викторией Вячеславовной. Та долго ахала, взмахивая ресницами. К концу дня о необычном происшествии знали уже все. Но отнеслись по-разному:

– Не знаю, девочки, – говорила пожилая географичка, – они же от всей души. Будут теперь про школу болтать чёрте что.

– Не говорите, Алла Григорьевна, это поступок! Во всяком случае, волевой. А это в учительстве – главное!

Короче, мнений было множество, но Леночкина радость от этого не уменьшилась. Да и, слава богу, теперь ясно, что Крамаренко больше не появится. А это того стоило.

Вера Ивановна действительно теперь больше не приходила, и к законной гордости Леночки добавилась радость освобождения.

Теперь пора было сделать «второй шаг», тот, о котором она подумала, невольно подслушивая в тот день у двери кабинета: Оксана. Да, девочка обездолена. У неё не то, что три рубля – на простую булочку с чаем нету. Ведь Вера Ивановна про «пьянь-распьянь» чистую правду прокричала...

Оксана Былова жила с бабушкой-инвалидом (у старухи не было ноги, говорили, что это связано с каким-то давним несчастным случаем). Мать девочки, родившая её неизвестно от кого, беспробудно пила. Хорошо, хоть не жила дома, и только время от времени кто-нибудь сердобольный рассказывал родным, где её видели и с кем. Старуха получала крохотную пенсию и такое же мизерное пособие. И Леночка решила действовать. Во-первых, она поговорила с директором, и Оксану стали кормить в школе бесплатно два раза в день. Правда, неофициально. Просто директор, женщина умная и чуткая, так распорядилась: всё равно, мол, продукты остаются. А «оформить» – это долго, да и выйдет ли? По документам с этой семьёй сам чёрт не разберётся, пытались уже не раз. В общем, неважно, главное, девочка теперь накормлена.

Дальше Леночка решила посетить Оксану с бабушкой на дому, посмотреть, чем ещё можно помочь? В воскресенье вечером она отправилась «в гости». Но то, что увидела, потрясло её так, что Елена Васильевна провела бессонную ночь: Быловы жили... в помещении без окон! Оказывается, их крохотный частный домишко – давно в аварийном состоянии, почти везде буквально обвалился потолок, и кусочки неба спокойно просматривались и в комнатухе, и в кухне. Лишь в коридоре потолок пока уцелел. Вот коридор-то и приспособили несчастные «домовладельцы» под комнату, закрыв наглухо остальные двери... Готовили еду тут же, на электроплитке.

Леночка даже не представляла, что в наше время и в нашей стране может такое быть! И она твёрдо решила повлиять на ситуацию. Леночка начала «хлопотать».

Но никто не считал себя крайним. Из ЖЭКа отправляли в милицию, из милиции в СОБес, оттуда – ещё куда-то. У Леночки даже горькая шутка появилась: «Меня всё время посылают...» В школе, конечно, знали о её походах, хвалили, но разводили руками: опять же, в документах дело... Той-то пьянице всё равно, а эти, бедные, расплачиваются. Если б та «шлэндра» хоть какую-нибудь расписку, ходатайство дала! А то: «Мать жива? Жива! Вот пусть она и придёт.» И – как лбом об стенку.

Но Леночка молодец, про «пятый пункт» решила всё-таки не забывать и уважать себя и дальше. И она начала очень непростое дело по лишению родительских прав. Да, это стоило нервов и времени, но Леночка втянулась, и каждый день из долгих двух месяцев беготни подвигал её к желанной цели...

Приближались Новогодние праздники, и Леночке выпала счастливая возможность съездить на недельку домой. Она, конечно же, этим воспользовалась, и вот тут-то как раз неожиданно и определился новый поворот в её судьбе: в школе по соседству с домом открывалась в скором времени вакансия по её специальности (учительница уходила в декрет). Это была удача! Теперь можно легко и просто оформить перевод, потому что, оказывается, на неё готов запрос (спасибо мамочке!!!). Дома, конечно, – это не в общежитии в чужом городе, да и Серёжа скоро из армии вернётся, а он... Словом, это была радость, радость, радость!

В общем, возвращалась Лена на работу уже с «чемоданным» настроением. В школе долго охали, сокрушались, но... Что ж, пусть девочке повезет. Только, по закону, месяц отработки. Оставшееся время Леночка решила как раз использовать для окончания своего дела. Уже почти всё было готово, но тут неожиданно Оксана попросила:

– Елена Васильевна, зайдите к нам сегодня, бабушка зовёт. Она сама не может, вы ж знаете...

После уроков Леночка побежала к Быловым. Бабушка Оля (Ольга Петровна) встретила её как-то странно:

– Елена Васильевна, миленькая, что ж теперь будет?! Тут приходили из какой-то комиссии, сказали, Оксаночку в детский дом определяют. Как же я без неё, как?! Она же – и ноги мои, и руки! Умру я без неё, помогите! Напишите им туда, скажите: я внучку не обижаю, за что отнимают?!

Леночка растерялась:

– Ольга Петровна, так ведь это ж к лучшему, понимаете?.. Ну хотя бы вот сейчас: у вас так холодно, а там...

– Ой, да не так уж и холодно. Мы одетые спим, и ничего... Пожалейте, мне без неё не жить!

Леночка начала раздражаться:

– Да поймите вы, девочку пристроим – и с вами решим!

Но тут вмешалась Оксана:

– А бабушка потом со мной будет?

(Вот те на! Ну, как им втолковать?!)

– Оксаночка, видишь ли, возможно, потом, когда-нибудь...

Большие глаза девочки вмиг наполнились слезами:

– Я не хочу без неё, не хочу!!! Я никуда не поеду!!!

Она бросилась к старухе, судорожно обняла её, крепко прижала и зарыдала, захлёбываясь.

– Это что же, – Леночка сама чуть не плакала. Она-то, она-то для них... А они?.. Вдвоём ведь гибнут, одна другую тянет!

– Ну ладно, я... как-нибудь решу, – Лена не могла здесь больше оставаться. Скорее на улицу, и подальше отсюда!

...Она уезжала через три дня. Рассказала всё директору, та обещала сделать всё, что возможно. Хотя сказала, что трудно: бабушку-калеку никто опекуном не оформит.

– Ничего, поезжай спокойно, Ленуся. Удачи тебе на новом месте. И помни наш кодекс! – улыбалась она. – Не забывай, где и с кем начинала! Ну, счастливо. Верю в тебя. Дай я тебя поцелую на прощание!

Леночка тепло простилась со всеми, ребята даже всплакнули. Оксана смотрела исподлобья, и было неясно, хочет она, чтобы Елена Васильевна осталась, или наоборот?

– Оксаночка, не горюй!

(Надо девочку успокоить, надо.)

– Смотри на меня. Всё будет хорошо. Честное учительское слово. Ты мне веришь?

...Из письма Виктории Вячеславовны: «В общем, Ленок, тут с этими Быловыми такое получилось! Девчонка-то из детдома через день сбегает, её с милицией ищут, а бабка прячет. Как ты думаешь, где? У них дома, под кроватью. И смех, и грех. Силой волокут обратно, а Оксана царапается, кусается и верещит, представляешь?! Картина, да?»

Да-а... Пятый пункт? Воистину, вышло добро с кулаками. Как там у Сервантеса? «Будьте вы прокляты, сеньор, с вашим милосердием!» – вспомнила Леночка.

«Правая рука» классного руководителя

Когда Ольга Олеговна принимала пятый класс, ей сказали: «Повезло вам, Олечка. Там председатель родительского комитета – Зинаида Михайловна Шевченко. Горя знать не будете!»

И действительно, когда Зинаида Михайловна (или тётя Зина, как звали её в классе) предстала перед ней в первый раз, Ольга Олеговна почувствовала, что получает сразу и мощную, и результативную поддержку.

Начали с того, что тётя Зина помогла Ольге Олеговне разобраться с характеристиками: кто как учится, какой имеет нрав, чем увлекается. Она с первого класса возглавляла родительский комитет и знала буквально всё. Правда, Ольга подумала, что сведения тётя Зины больше смахивают на уличные сплетни типа «кто – с кем – когда», но всё-таки и было много действительно ценной информации.

«Вы не волнуйтесь, – заверила тётя Зина. – Будете как у Христа за пазухой. С моим-то опытом.»

Ольга Олеговна невольно взглянула на «пазуху» Шевченко и поёжилась: уж очень внушительным было это место. Зинаида Михайловна вообще была женщиной крупной, мощной, яркой, даже красивой, но это почему-то отталкивало. Тётя Зина не работала, потому что была женой военного, и всё свободное время (и откуда оно бралось у неё в таком количестве?..) проводила в школе. Её активность не знала границ, и масса сделанных Шевченко дел вызывала настоящую зависть других классных руководителей.

Зинаида Михайловна даже проверяла дневники («Имею право, я председатель»). Да не просто так, а с беседами. Каждому, кто хоть немного «не дотягивал», приходилось краснеть и заикаться перед тётей Зиной. То, понимаешь, неаккуратно заполнено, то нет подписи родителей, то оценки – не очень. И Зинаида Михайловна, понимая, что такие разговоры с детьми – полумеры, отправлялась (всё на тех же неоспоримых правах) по домам. сначала она ходила не одна, а с двумя членами родительского комитета, плюс староста класса, как «представитель от детского коллектива». Потом комитетчики потихоньку – помаленьку отказались («Вот ведь, ну ничего никому не надо!!!»), и тётя Зина совершала свои походы только со старостой, Вовкой Гореловым, бойким и шустрым мальчиком.

Но в этом учебном году, в середине сентября, когда наступил день очередных перевыборов, Вовка решительно отказался от своего поста:

– Ольга Олеговна, я с первого класса староста. Что я, лошадь? Пусть другие!

– Но, Вова, у тебя же опыт!.. – воспротивилась учительница.

– Ну вот, пусть и у других опыт появится, – резонно заметил мальчик.

Ольге Олеговне пришлось согласиться, но выбрать нового старосту оказалось почти невозможно: все дети знали, что придётся «ходить» с тётей Зиной. И тогда Ольгу Олеговну осенило:

– А давайте вот Светочку Михайленко выберем!

(Это была совсем новая девочка, она опоздала к началу учебного года и только третий день ходила в этот класс. Дети её пока плохо знали).

Ольга Олеговна вдохновилась:

– Я знаю, что Света – отличница, была членом редколлегии. Кто «за»?

Проголосовали единогласно. Светочка прореагировала вяло, почти никак. Вообще Ольга успела заметить, что новенькая очень замкнутая, неактивная, хотя умненькая и развитая.

К концу уроков появилась тётя Зина и, узнав новость, очень удивилась: «Как?! А меня почему не спросили?»

Ольга Олеговна растерянно сникла, а Шевченко приступила к Светочке с расспросами: какие были раньше оценки? кто родители? чем увлекаешься?.. Полная анкета, а как же. Слава богу, удовлетворилась, записала номер телефона Михайленко и предупредила: «Сегодня в пять встречаемся возле школы. Надо посетить три семьи. Не опаздывай!»

«Посещений» тётки Зины боялись как огня, и поэтому старались не нарываться. Значит, круг визитов активистки был неширок и почти неизменен. Светочка это поняла уже через неделю. Особенно тётке Зина любила бывать в доме у Сашки Марголина, мальчишка, в общем-то, способного, но ленивого и задиристого. Мать Сашки, выслушав тётку Зину, всегда начинала плакать и грозить дрожащим пальцем уныло набычившемуся Сашке: «Ну, я тебе! Я тебе!!!»

В конце любой беседы Зинаида Михайловна обязательно ставила в пример себя и свою семью. Светочка знала: если Шевченко заводит «Мой вам совет из собственного опыта» – значит, скоро уходит. Девочка с трудом переносила свою роль, но сделать ничего было нельзя. Она попробовала было один раз не прийти, но, во-первых, весь вечер переживала, что завтра ей будет, а, во-вторых, мама сказала:

– Нехорошо, Света. Тебя выбрали, доверили. Взрослый человек с тобой договорился! Надо быть ответственной.

И обязательная по натуре Светочка смирилась. Визиты продолжились, но однажды произошло некрасивое: из плавания вернулся Марголин-отец, который чуть ли не первый раз видел тётку Зину. Он внимательно выслушал её получасовой монолог, полный праведного гнева, поиграл желваками, кивнул: «Учту» И почти выставил гостей за дверь. А во второй раз и на порог не пустил, выглянул только и отрезал:

– Вам что, делать больше нечего?!

И захлопнул дверь.

– Неблагодарный!!! – рассказывала тётка Зина. – Понятно теперь, в кого их Сашенька! Хулиганьё! Ничего, тюрьма его дождётся!

В конце четверти тётка Зина обнаружила по журналу, что у её Ирочки намечается несколько «троек». Но ведь, если честно, Ира Шевченко была девочкой довольно ограниченной, туго соображающей, хотя хорошенькой и амбициозной, с претензиями на исключительность.

– Что же это, Ольга Олеговна?! – у Зинаиды Михайловны просто не было слов. – Вы же классный руководитель, как же так! Должны быть заинтересованы, чтобы хорошистов стало больше. Ведь настоящий педагог обязан понимать, как важно подтянуть того, кто старается, как моя Ирина! Я лично каждый день с ней уроки учу, вы же знаете. А если на то пошло, так и зависить надо иногда оценку, чтоб у хорошего ребёнка стимул был!

– Но ведь, Зинаида Михайловна, – оправдывалась испуганная Ольга Олеговна. – К математике, например, Ирочка совсем не способна...

Шея тётки Зины покрылась красными пятнами:

– Вы как маленькая! Или специально?.. Так хочу вам напомнить. Видимо придётся, хоть и не собиралась: я для вас в лепёшку каждый день расшибаюсь, могли бы и вы хоть что-нибудь для меня... Ну, подойдите к учителям!

Шевченко была стопроцентно права. Ольга Олеговна, стараясь искупить вину, изо всех сил улаживала Ирочкины дела, и в четвертном отчёте, в графе «хорошисты», фамилия девочки заняла своё привычное законное место.

Зинаида Михайловна не была злопамятна и об инциденте больше не вспоминала, а работала по-прежнему в полную силу: ежедневно контролировала, кто и как дежурит, записывала со слов своей Ирочки замечания в дневники, собирала бесконечно какие-то деньги... Даже в один прекрасный день выдвинула отличную идею: разбить весь класс по-новому на звенья «по принципу уровня знаний» Ну, например: первое звено – отличники, второе и третье – хорошисты, четвёртое – среднячки и пятое – двоечники и «проблемные». Как раз поровну

детей получается. И самая интересная задумка – «звеньевой» двоечников назначить старосту класса и поручить ей добиться, чтоб всё звено училось без «двоек». А?!

Ольга Олеговна оценила широту замысла, и тётя Зина, войдя во вкус, рассадила детей по-новому, чтобы ученики из одного звена сидели рядом. Светочка оказалась на предпоследней парте в окружении пяти мальчишек, по соседству с Сашей Марголиным. Зинаида Михайловна объяснила девочке, что теперь её значение резко возросло, ответственность – тоже.

– Короче, Света, за каждую «двойку» твоего звена ты тоже будешь получать запись в дневник!

Покорная Света ничего не ответила...

А буквально через несколько дней Ольге Олеговне и тётя Зине пришлось выслушивать разгневанную Светочкину маму, которая, потрясая «разрисованным» Зинаидой Михайловной дневником, в конце концов потребовала:

– Оставьте мою дочь в покое! Она каждый день плачет! А вы!.. – она ткнула пальцем в тётю Зину – вообще, сидели бы дома! И вот вам моя идея: Ирочку свою назначьте в это звено!

– Что-о-о?! – по-рыночному зычно взревела Шевченко. – А ваша... ваша тихоня-размазня с двоечником дружит!!! С Марголиным недоделанным! Он ей портфельчик носит!!! Как говорится, в тихом омуте!.. Принесёт ещё в подоле вам, попомните!!!

– Ну, знаете, – мама Светы от неожиданности абсолютно успокоилась. – Да вы просто, оказывается, базарная баба. Пустое место. Я лучше о вас думала. А вы, Ольга Олеговна, или слепая или, ещё хуже, равнодушная...

...Да, наделала делов Светочкина мама. Михайленко люто возненавидели и Ольга Олеговна, и тётя Зина. Девочка не жаловалась дома, боясь, чтоб не было хуже. Со старост её сняли и назначили Иру Шевченко, со звеньевых – тоже. Нет, там другого не назначили, просто хорошая идея была загублена на корню. («Из-за твоей безответственной мамочки, Михайленко!») Короче, расселись все по-старому и перешли в старые звенья.

Светочка теперь получала от тётя Зины ежедневно две-три реплики, брошенные как бы невзначай: то «грязнуля сопливая», то «заумь невоспитанная». И ходить бы Светочке ещё долго в «неряшливых дурочках», если б мужа тётя Зины вдруг не перевели в другой город, и Шевченко вскоре уехали, к невыразимой радости всего класса.

«Повезло же кому-то!» – долго вздыхала Ольга Олеговна, самолично теперь проверяя дневники своих учеников.

Сильная личность

Первым человеком, которого встретила Наташа Павленко, придя пятнадцатого августа по направлению в эту школу, была Аронова Нина Константиновна. Сначала она девушке понравилась: деловая, решительная, громогласная. «Сильная личность», – сразу определила Наташа.

А вот с началом занятий она, учитель начальных классов Наталья Игоревна Павленко, увидела, что Нина Константиновна – уж слишком, чересчур сильная личность, любящая больше всего на свете власть над людьми.

Несдержанная и хамоватая по натуре, завуч, «реализовывая» себя, целый день шмыгала по школе, раздавая направо и налево указания-замечания, и её трубный глас слышался от первого этажа до последнего.

На беду Наташи и ещё нескольких «молодых», Нине Константиновне поручили вести «Школу молодого учителя», и девушки каждый день терпели на своих уроках завуча на задней парте, которая могла вмешаться в любой момент, считая необходимым без конца и края покрикивать на молодых учителей, понукать их. Чем, конечно, вызывала большое изумление у детей, для которых в этом возрасте учительница – это почти что Центр Вселенной. Нина Константиновна могла даже из класса выйти посреди урока, бросив на ходу: «Нет, дорогуша, этот бред я не могу слушать. Твоя педагогическая импотенция несносна. Я на воздух выйду, извини!»

В середине ноября администрация объявила «Неделю молодого учителя». Прошли открытые уроки и мероприятия, после которых, на обсуждении, Нина Константиновна похвалила одну лишь Милочку (Людмилу Андреевну) за урок математики. Все были на этом уроке и видели, что он просто вызубрен от начала до конца. Наверное, была не одна репетиция. Дети «щёлкали» примеры и задачки раньше, чем учительница успевала до конца прочитать условие. Однако когда Наташа робко попыталась об этом сказать, то получила суровую отповедь завуча:

– А тебе кто мешал подготовиться, как следует?! Да, отрепетируй, если надо! Урок ведь открытый, придут посмотреть на хо-ро-ше-е, а не на лишь бы что!

Девчата удивлённо переглянулись. Вообще-то их учили другому... Но промолчали. Наташа поздно сообразила, что правильно сделали. Вечно её язык подводит! Она начала доказывать, что такой урок – порочный, портит детей, заставляет их принимать ложь как норму...

Ну что ж, это ей даром не прошло. Нина Константиновна сосредоточила все свои наставнические способности теперь на одной Наташе, «сильно умной Наталье Игоревне».

До сих пор тот свой первый учительский год Наташа вспоминает с ужасом: Нина Константиновна практически не выходила из её класса, а в конце рабочего дня Наташа выслушивала «анализ». Девочки шутили: «Опять Нинушка Наташке анализы сдаёт. От избытка мочи, которая в голову стукнула».

Да, им смешно!

Обсуждение иногда затягивалось до шести-семи часов вечера, потому что бессемейная Нина Константиновна заставляла девушку в своём присутствии, «под чутким руководством», готовить новые конспекты уроков.

В конце концов отец Наташи отправился к директору. Тот несказанно удивился:

– Знаете, всё бывало, но чтоб родители учителей приходили – такого не припомню!

Однако после вмешательства отца (и, соответственно, директора) Нина Константиновна умерила свой пыл, но усилила концентрацию «заботы». Очевидно, по принципу: если не мытьём, так катаньем. Она теперь посещала уроки Наташи «по норме», один раз в месяц, но зато и разгром был – на весь месяц, один помножить на тридцать один.

Наташа уже не верила, что когда-нибудь могут пройти эти обязательные три года отработки, и уйдёт она на все четыре стороны, куда глаза глядят, но подальше от школы! Летом Наташа ушла в отпуск, который весь был отравлен мыслью о сентябре, и вдруг, незадолго до выхода на работу, встретила учителя физкультуры:

– О, Натали! С тебя причитается! Как это за что? Ты не знаешь?! Нинушку нашу убрали!!! Помнишь, она в мае девочку по уху ударила, ну, Васильеву из седьмого класса, вспомнила? Да, да, ту, что потом к медсестре водили. Так эта девчонка, оказывается, родная племянница инспектора ГорОНО, дай бог ей здоровья! Вот повезло нам, да, Наташа? А тебе – так вообще. Считай, заново родилась!

Вот так и не ушла из школы Наташа Павленко. Она теперь, говорят, подаёт надежды. Девушка старается, сама понимает, что до настоящего мастерства ей пока далеко, но всё обязательно придёт. Потому что, спасибо Нине Константиновне, она точно знает, как не надо. А это уже много, поверьте!

Чёрный снег

Больше всего на свете Надежда Павловна любила «образы», а шестиклассник Лёнька их ненавидел. Он не понимал, как про книжки – самое интересное на свете! – можно так говорить: «писателю свойственны тенденции...», «интерпретация авторского замысла...», «художественные построения значимых выводов...»

Он всегда, слушая монотонный голос учительницы, вспоминал почему-то о бормашине.

Недавно Лёнька прочитал такую книжку! А вот сегодня Надежда Павловна рассказывала о ней – и Лёньке хотелось умереть от тоски. Какая скукотища! Если б раньше не прочитал – никогда и близко к такому не подошёл бы. В изложении Надежды Павловны повесть потеряла свою прелесть, стала плоской, полной ненавистных «образов», тоскливой, неинтересной. Лёнька слушал и узнавал, что, оказывается, писатель «имел неординарное мышление и обладал ярко выраженным индивидуализмом, однако его личностные характеристики приобрели...»

В общем, что-то там приобрели. «Переученная», – так про себя прозвал Лёнька Надежду Павловну, у которой, однако, в классе была иная кличка – «Гипербола».

К тому же ещё Гипербола вела раз в неделю литературный кружок. Лёнька ходил туда, но не потому, что тянуло, а потому, что Надежда Павловна грозно пообещала:

– Кто не будет ходить – пусть на «четыре» даже не рассчитывает! Программа программой, а литературный вкус надо развивать и вне учебных занятий.

Сначала, когда Лёнька первый раз услышал про кружок, он невероятно обрадовался. Наверное, там будет такое, про что на уроках – не принято, не положено. Может, эти все «образы» – такой ритуал, без них – права не имеют, а? А кружок – ведь это же, как сказала Надежда Павловна, свободное творчество. Она пообещала: «Почитаем и ваши стихи, если кто пишет, обсудим! Приносите, не стесняйтесь!»

У Лёньки даже дух захватило. Стихи!!! Это же, это же... Мальчик много писал, подражая то одному, то другому. И мечтал когда-нибудь, потом... А тут – приходите, приносите, обсудим!

На первое заседание кружка Лёнька мчался, как на праздник. Накануне он долго отбирал стихи, переписывал, вымарывал, снова переписывал... Наконец, оставил для показа только два: одно – про любимую собаку Ласку, у которой «...пуговицы-глазки, пуговичка-носик, сделанный из ласки подметалка-хвостик».

И второе, самое дорогое сердцу мальчика – «Чёрный снег»:

Белое-белое небо
Чистой слепой высоты,
Мечутся заверти снега,
Словно кометы – хвосты...
Как я обманут глазами! —
По мановенью руки
Вдруг превращаются сами
В чёрного снега комки.

Эти строчки сложились внезапно, сами: Лёньке показалось, что кто-то, незримый и могучий, властный и добрый, водил его рукой по бумаге. Но Лёнька и правда однажды понял: если долго-долго смотреть вверх, как сыплется снег, то в какой-то момент светлые комки вдруг становятся похожи на рваные хлопья сажи, и это – такое чудо!

Мальчик полюбил эти стихи про снег и часто вслух, для себя, читал, меняя интонации, и виделся себе то задумчивым Пастернаком, то загадочным Северяниным, то богоподобным Блоком...

Когда Надежда Павловна прочла Лёнькины стихи, она насмешливо хмыкнула, потом презрительно пожала плечами, и, наконец, обратила свой взор на трепетно ожидавшего мальчика:

– Слушай, Коваленко, ты не обижайся, но я всегда говорю правду. Чтоб никаких иллюзий, а то потом – больнее. Не надо тебе писать.

– Почему?.. – подбородок Лёньки задрожал. Это было так стыдно, стыдно! Бог с ними, со стихами! – заплакать стыдно! Весь кружок смотрит!

– Ну, почему, – Гипербола красиво наклонила голову, – нелепо всё это. Чёрный снег какой-то... Где ты это видел? Ну, никакого воображения!

– Видел, – погибал Лёнька, – знаете, как сажа...

– Сажа?! – занервничала Надежда Павловна. – Мальчик мой, запомни, снег – искристый, серебристый, голубой! Слепящий, наконец! Но чёрный? – глупо. Да и про собаку, кстати, – чистый бред и непоэтично.

– А вот Пастернак... – Лёнька не мог вот так, совсем без боя, распротиться со своей любовью.

– Так то ж Пастернак! А ты – кто? – скривилась Надежда Павловна.

Больше Лёнька стихов не приносил.

– Правильно бросил, – одобрила Гипербола.

Нет, не бросил Лёнька. Хотел, но не смог. Тот, большой и сильный, сидящий в нём, не давал покоя, и мальчик записывал, записывал... И прятал. Подальше.

Правильно, мальчик, прячь. А мы будем верить, что встретится ещё тебе в жизни умный, талантливый учитель, который обрадуется твоему чёрному снегу. И поможет тебе.

Из жизни проезжающих

– Вот вы говорите, бить нельзя, – горячилась попутчица. А как же из него тогда человека сделать?!

Анне Егоровне бесконечно надоела эта Катя, и она уже не могла дождаться своей станции. Конечно, в дороге скучно, но уж лучше б ехали сами: попутчица заговорила почти насмерть и Анну, и её сына, семнадцатилетнего Сашку, который, правда, нашёл для себя выход:

– Мам, я пойду, пообщаюсь, там ребята во втором купе...

– Недолго смотри, сынок, может, люди отдохнуть хотят, неудобно.

– «Не рыдай, родимая, встреча недалёко!» – беспечно пропел баламут-Сашка и тут же «испарился».

– Ну, вот видите, – обрадовалась Катя, – что это за обращение с матерью? Сразу видно: не битый!

– Нормальное обращение, – обиделась Аннушка. – Он у меня хороший.

– А был бы ещё лучше. «Битие определяет сознание», – умная, между прочим, шутка! Меня вот мать-покойница лупила, как сидорову козу, бывало, и вовсе ни за что. В страхе держала! Я не смела лишний раз и взглянуть на неё. Так зато сейчас – толковая, и судьбу хорошо сложила. Я-то теперь – завмаг, с такими людьми за ручку – вам и не снилось! Спасибо матери: как услышала она тогда, что я в педучилище наладилась – так косу мою на руку намотала, да об пол пару раз головой, для ума! – Катерина визгливо засмеялась, затряслись все её подбородки. – В торговлю, говорит, и точка, а то – ноги повывёртываю. Ну, не права была, скажете?

– Не знаю. С вами, возможно, и права, – кивнула Анна. – А я, между прочим, в школе работаю, и профессию свою люблю, на вашу б не променяла.

– Ой, да бросьте, мы ж не на собрании, – брезгливо скривилась Катерина – У вас там через одного лупить надо! Не поверю, что вы никогда...

– Никогда, – оборвала Анна Егоровна. И твёрдо добавила: «И хватит об этом»

– Ну ладно, ладно, разобиделась! Нам ещё до вечера вместе ехать, давайте в мире и дружбе!

Катерина порылась в огромной кожаной сумке и достала внушительный неаккуратный свёрток: «Давайте перекусим лучше. И запьём знакомство. А то, что ж всухую? – никакого удовольствия, одни мозоли на...» (она смачно припечатала пошлятиной).

Анну Егоровну передёрнуло от такого «юмора», но она промолчала. А выпить – решительно отказалась.

– Слушайте, не ломайтесь, а то ведь подумаю, что брезгуете! – насторожилась Катя.

– Думайте, что хотите.

В тоне Анны было что-то такое, что попутчица смиренно притихла, молча налила себе полстакана, и молча же, выпив, принялась закусывать. Но через пять минут не выдержала и уже добродушно попросила:

– Аня, поешьте! Пожалуйста! Я не хотела вас обидеть, ей-богу! Извините, если что!

Анна Егоровна, чувствуя себя неловко от собственной резкости, кивнула: «Да и вы меня простите. Забудем»

Женщины стали есть, перейдя на другую тему, но захмелевшая попутчица, видно, должна была выговориться:

– Анечка, вот ты послушай одну историю! Ничего, что на «ты»?

Тут в купе вернулся Сашка, и весёлая раскрасневшаяся Катерина, решительно усадив парня, придвинула ему бутерброды: «Ешь, мужчина! Мужик должен быть сытым. Налить, может? Тоже нет? Ну что вы, в самом деле, такие некомпанейские? Ладно, кушай, кушай... Кушай – и слушай, тебе тоже полезно. Так вот, Анюта, племяшка у меня есть, брата двоюрод-

ного девчонка, такая, как Сашка твой. В прошлом году ездила я к ним в гости. Хорошо живут, всё есть, а книг-то, книг!.. В жизни столько не видела. А Женька, племянница, их день и ночь читает. Ну вот, и как раз ей какую-то там книжку дали, про мастера какого-то вроде, – так, веришь ли? – всю ночь читала! Отец – возьми и скажи: вот, мол, как матери помочь – так тебе некогда, уроки надо делать, а потом – спать хочется. А как всякую ересь читать – так ночи не жалко. Тут Женька как упёрлась: не понимаете ничего, это великая книга! А брат мой – тоже упрямый, я, говорит, читал, ничего, мол, выдающегося. Так Женька прямо в крик: примитивный, ограниченный! А он ей: недоучка! Было б из-за чего, тьфу!!! Короче, хлопнула девка дверь – и была такова. Дома не ночевала! Лизка, мать, всех обзвонила, братец мой – в милицию бегал. А я сразу сказала: небитая она у вас, други мои, вот что! Воли много взяла, а сама ещё зелень сопливая. И уймись, говорю, придёт, не надо сердце рвать! Наутро явилась. Да виноватая такая. Простите, папа-мама, погорячилась я. Ночевала-то где, спрашиваем? А нигде! В соседнем подъезде, говорит, простояла. Ну, братец с Лизкой ничего, рады. А я – не могу, аж кровь кипит! Это ж ей так и сойдёт, малолетке! Я говорю: „На колени перед нами встань, попроси, как следует. Знаешь, что мы пережили?!“ Брат замахал на меня руками, мол, девочке и так плохо. А я – как стена. Нет, говорю, вовремя не поставите на место – ей всегда плохо будет, а вам и того хуже! В общем, голос подняла, пригрозила: не встанет – знать вас больше не хочу. Брательник в курсе: если я чего задумаю – железно, и слово моё – кремень!»

– И что, встала?! – ужаснулся Сашка.

– А как же?! Поломалась, правда, часок, а потом, когда я сказала: «Не встанешь – значит, брешь матери. Ни в каком не в подъезде ты была, а с хахалем отлёживалась. Так всем и буду говорить!» – встала, аж рухнула!

– И дальше что?.. – Анна Егоровна почувствовала, как ненавидит эту Катю.

– Ничего, рыбонька. Живут, как и жили. Но представляешь, надулись на меня все трое! Вот и делай людям добро. Прислали недавно письмо какое-то странное, мол, не ездите к нам больше, Катерина. Вот и направляюсь узнать, чем я им так не мила стала? – она доплеснула в стакан, ловко заглотнула и умолкла, дробя зубами курятину. Потом сладостно икнула, зевнула и сказала:

– Хорошо с вами, а на боку – лучше. Посплю-ка я, пока можно! Да и вы давайте, что ж на столбы-то пялиться?

...Когда Катерина захрапела, Сашка осторожно подсел к матери, погладил её лёгкую маленькую ладонь:

– Ма, ты знаешь... Если захочешь меня когда-нибудь ударить – бей, я пойму. Но на колени – не заставляй никогда, слышишь?..

Первое место

Второклассники «загорелись», когда Антонина Алексеевна предложила: «Дети, а давайте устроим конкурс „Кто лучше расскажет сказку“? С костюмами можно, урок-спектакль!»

– А призы будут?

– Будут и призы, не волнуйтесь. Определим победителей – их и наградим.

– А сколько победителей?

Антонина Алексеевна пообещала: «Три места сделаем, как в спорте!»

И дети начали готовиться. Определились, кто будет принимать участие: ведь всех за один урок не выслушаешь, да и устанут. Получилось шесть человек.

Антонина Алексеевна распределила сказки «по народам», чтоб было интереснее. Алёне, например, досталась русская, Руслану – украинская, Карине – грузинская... А текст сказки – на их усмотрение, но чтоб не больше пяти минут.

Целую неделю конкурсанты суетились, подбирали сказки, бесконечно делились своими «секретами» с одноклассниками. Родительский комитет закупил «призы».

И в день «премьеры» все, конечно, знали, что их ожидает что-то совершенно невероятное. С самого утра в воздухе, как говорится, витал театральный дух. «Актёры» пришли в класс раньше всех, и за полчаса до начала урока уже томились за «кулисами», необыкновенно волнуясь.

Накануне вечером Иван Сергеевич Зотов, «папа – золотые руки», по просьбе Антонины Сергеевны превратил класс в маленький театральный зал, соорудив с помощью нехитрой конструкции («рейки-шторы») что-то вроде сцены, и вот теперь в закулисном мирке кипели настоящие театральные страсти. Антонина Алексеевна не разрешала «артистам» показываться «на публике» до начала конкурса, и «зрители» буквально изнывали от нетерпения и любопытства.

И вот, наконец, началось! Антонина Алексеевна торжественно объявила имя первого участника, название его сказки и добавила: «Китайская народная»

На «сцене» появился Юра, и дети завизжали от восторга: глаза мальчика были косо подведены, шёлковая просторная рубашка, подпоясанная «по-китайски», ясно свидетельствовала о том, что сказка будет и в самом деле «китайская народная».

Юрка отчеканил свой текст, кланяясь и улыбаясь «по-китайски». Дети восторженно захлопали. Закончив, мальчик прошёл в класс, облегчённо вздохнул, превращаясь теперь в обыкновенного зрителя.

Дальше выступали Карина, Вова, Инна... Все они сорвали аплодисменты и крики «браво!» Антонина Алексеевна довольно улыбалась, гордая от мысли, что такой праздник удалось сделать из обычного урока развития речи. Отличную разработку можно теперь представить!

Предпоследним выступал Руслан. Он выбрал украинскую сказку. Антонина Алексеевна посмотрела на ребёнка и поморщилась: ну что это за вид? Просила же! Руслан жил с одной только мамой, денег в семье, конечно, было маловато. Но ведь можно на конкурс что-то получше придумать? На Руслане была обычная белая рубашка, даже не «вышиванка», тёмные коротковатые брючки. Правда, всё чистое и аккуратное. Единственный «народный» атрибут – широкий красный пояс – украшал его маленькую ловкую фигурку.

– Начинай, – махнула рукой Антонина Алексеевна.

...Когда Руслан читал, она изумлённо думала: «Ведь артист, чертяка, настоящий артист! Кто б мог предположить?»

Руслан выступал «в лицах», смешно передразнивая и хитрую лису, и глупого волка... Он то басил, то пищал. При этом мальчику совершенно не мешали ни руки, ни ноги, как другим

детям, которые держались как солдатики. Руслан понимал, чувствовал каждый жест, каждый поворот головы. Он умел (откуда?!) держать паузу!

Руслан закончил, вскинув руки и топнув ногой, и разразилась целая буря восторга! Дети долго не могли успокоиться, хлопая и крича: «Молодец! Молодец!..» Каждому хотелось дотронуться до мальчика, посадить его рядом с собой...

Антонине Алексеевне пришлось прикрикнуть:

– Дети, сейчас «поведение» запишу! Вы разве забыли, что у нас есть ещё одно выступление?

Она, наконец, добилась полнейшей тишины и пригласила: «Алёна, выходи!»

Когда девочка появилась, дети окаменели, вытянув шейки. Вот это был костюм!!! Алёнкина мама шила на дому и, конечно, постаралась на славу. На девчужке был роскошный шёлковый сарафан, расшитый бисером. Нежно просвечивали рукава белейшей нейлоновой сорочки «в русском духе». Красивую русую головку венчал настоящий кокошник, украшенный тысячами бусами, которые красивой «чёлочкой» спускались на лобик и розовые ушки. И даже на ногах были парчовые красные башмачки!

Алёнка чувствовала, что хороша, и, нежно покрасневшись, стояла, сияя голубыми счастливыми глазками. Она даже забыла, зачем вышла. Из оцепенения всех вывела Антонина Алексеевна:

– Алёнушка, давай! Ну что же ты?

Девочка выступала бойко, но заученно, держа ручки на поясе от начала до конца (видно, так велели). Она тараторила текст, убыстряя от волнения темп, и Антонине Алексеевне приходилось её «притормаживать». Но девочка снова разгонялась. Наконец, сказка иссякла, Алёнка отвесила глубокий русский поклон и с достоинством поплыла на своё место в классе.

– Ну вот, дети, мы и выслушали всех наших артистов. И сейчас я объявлю результаты...

Антонина Алексеевна помедлила, сделав эффектную паузу, затем жестом фокусника выложила из сумки на стол какие-то пакеты.

– Итак, ребята, первое место в нашем конкурсе (я уверена, что вы все это понимаете) заняла Алёна Сереброва! Она награждается главным призом: трёхтомником «Сказки народов мира»!

– О! – загудели второклашки. Алёнка, поджав хорошенькие губки, сплавала к столу за наградой.

– Поаплодируем, дети!

Зрители жидко захлопали, кто-то пискнул: «Нечестно!»

Антонина Алексеевна мудро не обратила внимания.

– Второе место занял, конечно, Шмелёв Руслан!

– Ура-а!!! – взорвался класс.

– Тихо, тихо! – учительница строго постучала по столу. – Ему мы вручаем набор фломастеров.

Руслан вышел, артистически поклонился, получив ещё аплодисменты.

– А третье место – разделили поровну все остальные! Им всем – по набору карандашей.

Дети с готовностью выскочили за подарками, радуясь, что оказались равными (умная Антонина Алексеевна заранее это предвидела, понимая, что нельзя детям говорить об их поражении, малы ещё).

А со Шмелёвым – она и сама знала, что «нечестно», но он был таким «некостюмированным»... Да и сам мальчик признался: «Алёнушка, конечно, была самая-самая распрекрасная!»

Часть вторая

Необратимые процессы

– Ирина Николаевна! Ирина Николаевна!!! – Маришка почти задыхалась. – Скорее, скорее!!! Там, там, в классе!

Учительница, не дослушав, бросилась вслед за девочкой. Что – в классе?! До кабинета бежать было ещё два этажа, и Ирина успела за эти полторы минуты стократно умножить все страхи, которые вмиг подбросил ей взвинченный мозг: кто-то из окна вывалился?! (третий этаж!!! Хотя предупреждала детей: окна не открывать!!!), кто-то в обморок упал? (так уже было, начало весны – а жарко, прямо печёт!). Что стряслось всё-таки? Судя по виду девочки, нечто невероятное! Значит, – разбирательство, выговор. Вот тебе и вышла на пять минут, оставила дежурных! Пятый класс, маленькие ещё... Выговор, минимум! И то – если повезёт...

На подкашивающихся ногах, с подскоком, – мешали высокие каблук, – влетела в класс за ребёнком.

– Ну?!! Что?!!

У окошка столпились пятиклассники, ничего не было видно. Но окно, слава Богу, не распахнуто, и на том спасибо!

Ирина Николаевна подбежала, рывком откинула заслоняющих – и... тьфу!!! Между рамами билась, царапаясь, ласточка. Видно, заскочила сюда с лёту, случайно. Наружное стекло было разбито, частично вынуто, внутреннее – цело. Понятно, как: ударилась в стекло и провалилась.

– И что, надо было так орать?! – Ирина Николаевна, багровея щеками, нависла над Маришкой.

– Я спрашиваю, надо вот такую истерику закатывать? – дети молчали, опустив головы. А учительница, лишившись испуга, накачивала тон. – Я чуть каблук не сломала!

– Так ведь... Она живая! А если б мы уже ушли?.. Если б никто не увидел?..

– Ну и что?!! – успокоиться сразу было всё-таки нелегко. – Ну и что, я спрашиваю? А вы знаете, сколько их гибнет в природе от всяких случаев, а? Хотя, конечно, жалко, – поспешно исправилась она. – Жалко. Ну ладно, сходите за дядей Лёшей, пусть придёт, раскрутит раму, что ли.

Дети радостно закивали, и та же Маришка, но уже в паре с Валеркой, рванули из класса.

Паузу ожидания надо было как-то заполнить, – уж очень неловко молчалось. (Разоралась, как девчонка, прискакала!) И Ирина Николаевна уверенно повела:

– Вообще-то, дети, очень хорошо, что вы такие отзывчивые. Природу надо любить, помогать всяким растениям, животным... Ну и вообще. Особенно зимой! Кормушки строить. Вот, например, я читала в газете, как один школьник спас и вылечил раненую птицу. И вы, ребята, должны...

Но тут вернулись запыхавшиеся «гонцы»; у Маришки в глазах угадывались будущие слёзы:

– Ирина Николаевна! Сказали, что дядя Лёша уже уехал домой!

– Гм... Ну, я не знаю!..

(Дядя Лёша жил далеко).

– Сходите, посмотрите по школе; может, кто из мужчин-учителей ещё здесь. И пусть отвёртку какую-нибудь захватит.

Дети снова метнулись к выходу. Осталось трое.

– Ну и вы – с ними! – нашлась Ирина Николаевна. – Быстрее будет.

(Что ж тут им – опять про птичек? Пусть побегают.).

На этот раз ожидание затянулось минут на тридцать. Ирина Николаевна то и дело нервно взглядывала на прелестные ручные часики: уже давно пора домой, готовиться к завтрашнему открытому уроку. Она в этом году аттестуется, идёт на «методиста», – значит, будет кто-нибудь из райОНО.

Этот урок Ирина Николаевна вынашивала давно, планируя поставить эффектную «точку». Год выдался напряжённым, пришлось попотеть. Конечно, звание так просто, за красивые глаза, никто не даст, надо работать. Ирина Николаевна с удовольствием подумала: что-то, а работать она как раз умеет! Не жалея сил! Кабинет у неё – один из лучших, если не самый лучший! А сколько на это времени ушло – кто оценит? И, между прочим, личных средств! С родителей собирала – само собой, все так делают, но ведь сдают неохотно. Это – раз. А разговоры – споры с ними на собраниях? Это – два. Но зато теперь не кабинет, а сказка. «Хорошо, что я биолог! – умилилась учительница. – Химический кабинет, например, таким эффективным сделать бы не удалось». И завтра она блеснёт, конечно! Есть и таблицы, и пособия, и чучела.

И дети, между прочим, предупреждены: кто, когда и что. Для подстраховки. Мало ли... Риск – дело молодых. (Улыбнулась: и глупых!).

А ласточка, между тем, обессилев, почти замерла. Припекало. «Через часок-другой погибнет», – зевнула Ирина Николаевна.

«Если никого сейчас не найдут – завтра кого-то попрошу, пусть вынут, а то завоняется.»

...Новая бегодня результатов тоже на дала, и учительница, выслушав детскую перебивчивую трескотню, наконец решила:

– Вот, значит, не судьба.

И авторитетно добавила:

– Теперь, даже если выпустим, всё равно в природе погибнет. За то время, пока вы метались, пошли необратимые процессы.

– Где?! – ахнула сердобольная Маришка.

– В летательном аппарате птицы, где ж ещё.

(Вот так. Знание – сила!)

– Так что гораздо гуманнее вообще её теперь не трогать, тогда процесс умирания будет безболезненным. Ты же не хочешь, чтоб она ещё мучилась? – царапнулась в душу девочке.

– Н-н-не-ет!.. – заплакала Маришка. Потупились и остальные.

Ирина Николаевна снова украдкой глянула на часы. Надо же, ещё плюс десять потерянных минут! Прекращаем.

– Всё, уходим, – она, решительно подталкивая детей, освободила класс и заперла за собой дверь.

– Ну что, до завтра? – подмигнула ободряюще. – Кому в мою сторону? Никому? Ну, как хотите.

И, цокая каблучками, быстро ушла.

...Писать конспект пришлось до позднего вечера (сказалось потерянное время). Но зато, закончив, Ирина Николаевна с удовольствием просмотрела сделанные записи и долго любовалась красиво набранным броским названием:

«Долг человека – беречь природу». Урок – диспут.

Подготовила: учитель высшей категории Краснова И. Н.»

Звание методиста было уже практически в кармане.

Собачий синдром

Пересчитывая сдачу в поселковом магазине, тётка Рита, многозначительно поджав пухлые губы, вроде невзначай обронила:

– Слышь, Мартыновна, я скоро водку буду брать, много. Так ты попридержи.

– Неужто на свадьбу?! – ахнула продавщица.

– А хоть бы и на свадьбу. Я же говорила: она наша будет. Чем мой Юрий не жених?

Все, кто был в магазине, тут же оказались рядом, и интересная новость, свежая и горячая, тут же была подхвачена, и, оживляемая охами-ахами, обрела право на законное местное облюбовывание.

– Так, говорю, чем Юрка не жених? – уже вполоборота ко всем ушам, повторила тётка Рита.

– Ну да, ну да! Красавец и с образованием, это точно!

– По себе и пару выбрал, а как же! – торжествовала тётка Рита, – покорила девку, орёл.

– Долгонько, правда, покорял, – уточнил завистливый Егорыч.

– Чего зря брешешь, даже года не прошло! – рассердилась тётка Рита. – На себя посмотри! Ты-то вон свою Настьку лет пять уговаривал, хоть она уже вдовая была и с дитём! Ишь, пенёк беспамятливый!

Старик поперхнулся и замолк. Да и то, было чем Юрке гордиться, понимал дед. Ведь Ольга, библиотекарша, – ох какая исключительная девка!

Приехала она в их посёлок год назад, по распределению. Городская, при маме-папе, а не отказалась, не словчила, не стала выискивать, где помягче да полегче, а приехала строго туда, куда направили. Квартировать стала у бабки Тузовкиной, дожидаясь казённого жилья. И с первого же дня многим запала в сердце: стройная, тоненькая, хоть и небольшого росточка; глазички – в пол-лица, губочки – как с иконы; такая вся ладная, хоть открытки с неё рисуй.

Все единогласно решили: красавица, ох, редкая красавица! А председатель даже заметил: дескать, это про таких наш народный поэт Некрасов сказал, что, мол, посмотрит – рублём подарит! (за что и был жестоко приревнован председательшей).

Но всё-таки не красота была главным достоинством Ольги. Она отличалась какой-то невероятной, давно уже нигде не встречающейся, особой девичьей гордостью. Под её взглядом ни один, даже самый – пресамый пьяница – матюгальник не мог обронить грязное слово. А так как у многих деревенских мужиков мат составляет больше половины разговора, то при ней они просто теряли дар речи и всё больше мычали, объясняясь жестами: строго глядели синие глаза, обжигали, душу выворачивали!

И в библиотеке – такой порядок навела, все только ахнули! А что придумала? – купила на свои деньги несколько пар шлёпанцев разных размеров и заставляла в библиотеке переобуваться. А кто не желает – со своей «сменкой» приходи, вот так!

Крепко зауважали в посёлке новую библиотекаршу, редко кто Ольгой называл, а всё больше – Ольгой Васильевной. Это двадцатидвухлетнюю девушку, ну не скажете?

Ольга Васильевна организовывала и театральные вечера, и недели поэзии, и толстовские чтения, и чего только не придумывала! Сама и объявление красиво напишет (шрифтом! на ватмане!), да не в одном экземпляре, а в трёх – четырёх, да расклеит в людных местах. И люди идут, как на праздник.

По-ра-зи-тель-но!

К тому же читателей сразу стало больше чуть не в десять раз (из района даже приезжали с проверкой, не поверили отчёту). Правда, читательский контингент вырос в основном за счёт молодёжи, и в подавляющем большинстве – парней, но дело разве в этом? Потянулся поселковый люд к книге, как к хлебу, вот чудеса!

А красавица Ольга, кроме работы, – ну куда: ни на танцы, ни на свидания. «Неправильная какая-то девка!» – удивлялся посёлок.

Но Ольгина хозяйка, бабка Тузовкина, женщина справедливая, разъяснила народу, что как раз – таки Ольга – девка самая правильнейшая, серьёзная. А почему на танцульки не бегают – так сказала, что это не танцы, а дёрганье; исчезла, мол, культура танца, надо сначала возродить, а потом и танцевать. Стыдно по-обезьяньи скакать. Марфа Даниловна Тузовкина тут была согласна с жиличкой на все сто. Видела она те танцы, – срамотища! То липнут друг к дружке, лапаются, то, словно дикие, руками – ногами дрыгают, каждый сам себе. А музыка какая – такие и танцы: бух-бум, бух-бум! Ну, и брезгует Ольга. А насчёт любви – тоже девка молодец. Таскаться говорит, не хочу по улицам, в темноте, я лучше книжку читаю. Вот придёт любовь – тогда и посмотрим, а ноги бить по вечерам – это пускай те, у кого в голове пусто. А у неё – работа! Ответственная, на виду, для людей. Как же их направить в русло культуры, если сам библиотечный работник не покажет высокий пример, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.